

полития

¹ Исследование проводится при поддержке факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

О.Ю.Малинова
ПАМЯТЬ О 90-х
КАК РЕСУРС АДАПТАЦИИ
К НОВОМУ КРИЗИСУ:
АНАЛИЗ ДИСКУРСОВ
РОССИЙСКИХ СМИ¹

Ольга Юрьевна Малинова — доктор философских наук, профессор департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник ИНИОН РАН. Для связи с автором: omalinova@hse.ru.

Аннотация. Статья посвящена проблеме функционирования памяти в качестве символического ресурса для адаптации к кризису как ситуации повышенной неопределенности. Предметом анализа являются публичные практики артикуляции памяти о начальном периоде постсоветской трансформации в контексте обсуждения социальных и экономических проблем, возникших в России в связи с началом специальной военной операции, объявленной президентом Владимиром Путиным 24 февраля 2022 г., и последовавшим беспрецедентным расширением международных санкций. Исследование опирается на теорию фреймов памяти Ивоны Ирвин-Зарецки. Через выделение типичных способов фреймирования опыта 90-х в медийном дискурсе в первые шесть месяцев после 24 февраля 2022 г. автор пытается определить, каким образом этот опыт связывался с текущими проблемами, и тем самым выявить роль памяти в адаптации к новому кризису. Материалом для анализа служат публикации печатных и электронных медиа, ориентирующихся на разные читательские аудитории. Для выявления способов фреймирования упоминаний о 90-х использован качественный контент-анализ с применением приложения MAXQDA.

Результаты исследования подтверждают, что в ситуации неопределенности, обусловленной вынужденной перестройкой экономических отношений, социальных ожиданий и политического целеполагания, память о коллективном травматическом опыте выступает в качестве ресурса адаптации, что сопряжено с частичной трансформацией поддерживающего ее смыслового каркаса. При этом идеологические расколы, связанные с памятью о 90-х, сохраняются и продолжают определять структуру публичного дискурса о прошлом.

Ключевые слова: фреймы памяти, фреймирование, девяностые, адаптация к кризису, публичный дискурс

Хотя кризисы различной природы и длительности не редкость в жизни современных обществ, их наступление всякий раз вызывает социальный шок. Ведь кризис — это состояние высокой неопределенности, когда привычные средства достижения целей становятся неадекватными и люди вынуждены искать новые стратегии, не имея надежных ориентиров. Может ли память о прошлых кризисах служить ресурсом для адаптации к последующим? И в какой мере актуализация такой памяти в новом контексте сопряжена с ее трансформацией? В настоящей статье я пытаюсь ответить на эти вопросы, исследуя публичные практики обращения к памяти о начальном периоде постсоветской трансформации в 1990-х годах в контексте обсуждения социальных и экономических проблем, возникших в России в первые месяцы специальной военной операции (СВО), объявленной президентом Владимиром Путиным 24 февраля 2022 г. Хотя экономисты и социологи отсчитывают текущий кризис с 2014 г.², в российском публичном дискурсе именно начало СВО, обусловленные ею беспрецедентные международные санкции, уход с российского рынка ряда глобальных компаний, нарушение налаженных технологических и логистических связей, рост эмиграции и т.п. стали интерпретироваться как обстоятельства, создающие уровень неопределенности, сопоставимый с той, что старшим поколениям россиян довелось пережить в 1990-е годы.

² Радаев (ред.)
2023: 5—7.

Говоря об этом времени, часто используют клише «лихие девяностые». Эта речевая привычка указывает на то, что данный период ассоциируется преимущественно с экономическими и социальными трудностями, туманностью жизненных перспектив, ростом насилия, развалом государства и иными негативными явлениями. Опрос Левада-Центра*, проведенный в марте 2020 г., демонстрирует, что 30 лет спустя 62% опрошенных полагают, что 90-е годы принесли стране больше плохого, чем хорошего. Иначе считают 19%, столько же затрудняются с ответом. Правда, результаты заметно варьируют в зависимости от возраста: если среди респондентов в возрасте 18—36 лет ответ «больше плохого» выбрали 53%, «больше хорошего» — 24%, затруднились с ответом 23%, то среди участников старше 60 лет — 70, 16 и 15% соответственно³. Несомненно, такое восприятие 90-х годов отражает жизненный опыт миллионов людей. Однако наряду с тяготами реформ были и новые возможности, которыми так или иначе смогли воспользоваться многие: в 90-х годах кардинально изменилась ситуация на потребительском рынке, открылись перспективы для предпринимательства в коммерческой и некоммерческой сферах, высшее образование стало массовым, появились не только новые стимулы, но и условия для внутренней и внешней мобильности, происходила революция в области средств коммуникации и др. Результаты упомянутого опроса Левада-Центра*, в ко-

³ Гребень
и Агеева 2020.

тором были и открытые вопросы, предлагавшие вспомнить хорошее и плохое, свидетельствуют о том, что негативные аспекты начального периода постсоветской трансформации закрепились в общественном сознании более прочно, нежели позитивные.

Согласно теориям социальной памяти, объяснение подобной избирательности следует искать в том, как опыт 90-х описывался и трактовался в медиа, политической риторике, кинематографе, массовой культуре и других сферах производства смыслов. Память и забвение имеют не только физиологические, но и социальные основания. Личный опыт, откладываясь в воспоминаниях, вписывается в смысловые конструкции, усваиваемые индивидами через дискурсы, которые они потребляют и производят⁴. Применительно к памяти о начальном периоде постсоветской трансформации это предположение подкрепляется исследованиями различных дискурсов и коммуникативных практик. Анализ риторики преемников Бориса Ельцина на посту президента России показывает, что противопоставление «лихих 90-х» «стабильности» путинского периода стало фундаментальным компонентом официального легитимирующего нарратива⁵. Критика политики 90-х играет важную роль в репрезентации политических идентичностей коммунистов и национал-патриотов⁶, а обсуждение того, что тогда было сделано правильно и что неправильно, — предмет непрекращающихся споров в лагере либералов⁷. Негативный образ 90-х активно конструировался художественными и документальными фильмами, телевизионными ток-шоу⁸ и распространялся в социальных медиа⁹. Все это указывает на то, что личные воспоминания россиян, связанные с негативными аспектами опыта 90-х, находили более весомую поддержку в публичном дискурсе.

Однако память живет в постоянно меняющемся контексте, и правомерно предположить, что в ситуации неопределенности, обусловленной вынужденной перестройкой экономических отношений, социальных ожиданий и политического целеполагания, она будет выступать в качестве источника возможных стратегий преодоления кризиса, что может быть сопряжено с трансформацией сложившегося смыслового каркаса. Цель настоящей статьи — проверить справедливость этого предположения путем анализа практик использования памяти о 90-х в медийном дискурсе.

⁴ Halbwachs 1992; Irwin-Zarecka 1994; Olick 2007; Ассман 2014 и др.

⁵ Малинова 2018; Sharafutdinova 2020, 2022; Malinova 2021.

⁶ Малинова 2020.

⁷ Малинова 2019.

⁸ Sharafutdinova 2020.

⁹ Мерзлякова 2019; Утехин 2021; Makhortukh 2021.

**Теоретическая
рамка
и методология
исследования**

В основу исследования положена теория фреймов памяти (frames of remembrance). По мысли ее автора, социолога культуры Ивонны Ирвин-Зарецкой, «чтобы понимать, как работает коллективная память, мы не должны ограничиваться изучением превратностей исторического знания или нарративов. В первую очередь нужно изучать конструирование нашей эмоциональной и моральной вовлеченности в прошлое. Применительно к публичному дискурсу это означает задаваться вопросами о том, каким образом прошлое имеет значение»¹⁰. В качестве ин-

¹⁰ Irwin-Zarecka 1994: 7.

¹¹ Goffman 1974.

струмента такого анализа Ирвин-Зарецка предлагает понятие фреймов, введенное Ирвингом Гофманом¹¹. Коль скоро практики интерпретации задаются шаблонами, на основе которых мы определяем конкретную ситуацию (фреймами), изучение способов фреймирования определенных аспектов прошлого в публичных дискурсах открывает путь к постижению того, *каким образом это прошлое имеет значение* в настоящем. Через выявление меняющихся конфигураций фреймов, используемых участниками публичного дискурса, этот подход дает возможность проследить динамику коллективной памяти.

Материалом для изучения фреймирования опыта 90-х в новом контексте послужили публикации печатных и электронных медиа, ориентированных на разные читательские аудитории. В условиях кризиса традиционные медиа не только информируют о текущих событиях, формируя общественное мнение, но и выступают в качестве арен, на которых уточняется образ вероятного будущего и рассматриваются возможные стратегии поведения в новых обстоятельствах. Анализ публикаций, авторы которых, рассуждая о настоящем и будущем, вспоминают опыт 90-х, позволяет выявить, *каким образом он имеет значение* в новом контексте. Разумеется, наблюдения, полученные в результате анализа традиционных медиа, будет полезно в дальнейшем проверить и дополнить исследованиями других арен публичного дискурса, в частности социальных сетей.

Поиск текстов производился в коллекции «Центральная пресса России» на платформе EastView и в базе данных Integrum по ключевым словам «девяност*», «90*», «199*». Хронологические рамки анализа ограничены первыми шестью месяцами после 24 февраля 2022 г., когда было непонятно, сможет ли российская экономика удержаться на плаву под напором международных санкций, и страх перед предполагаемым экономическим коллапсом усугублял ситуацию неопределенности. Для исследования были отобраны публикации федеральных изданий, которые условно можно разделить на четыре группы: 1) издания без однозначного идеологического профиля, адресованные массовой аудитории («Московский комсомолец» (МК), «Аргументы и факты» (АиФ), «Комсомольская правда» (КП), «Труд»); 2) издания без однозначного идеологического профиля, адресованные образованной аудитории («Коммерсантъ», Независимая газета (НГ), «Известия», «Эксперт», «Профиль»); 3) издания, имеющие выраженный антилиберальный/антизападнический профиль («Литературная газета» (ЛГ), «Завтра», «Советская Россия»); 4) издания, имеющие выраженный либеральный/западнический профиль («Republic/Slon»**, Новая газета)¹². Такая композиция выборки позволила проследить не только общие паттерны актуализации памяти о 90-х, но и специфические тенденции, характерные для идеологических полюсов, которые применительно к изучаемому дискурсу определяются водоразделом «западничество — антизападничество». После 24 февраля 2022 г. большинство изданий, относящихся к четвертой группе, оказались заблокированы по распоряжению Рос-

¹² Группировка изданий опирается на результаты настоящего исследования и является типологией *ad hoc*.

¹³ Песков сообщил
2022.

комнадзора, однако некоторые из них продолжили работу и доступны с использованием VPN (что, по признанию представителей власти, на сегодняшний день не является нелегальной практикой¹³). Для получения более полной картины в выборку были включены два издания этой группы, представленные в базах данных, в которых осуществлялся поиск материалов (в случае Новой газеты публикации доступны по 28 марта 2022 г., когда по решению редакции выпуск газеты был приостановлен). Этого, конечно, мало для полноценного анализа соответствующего идеологического сегмента, но вполне достаточно для фиксации некоторых специфических для него сюжетов, что важно с точки зрения общей оценки трансформации памяти о 90-х. Подавляющую часть выборки, сформированной на основе поиска по указанным выше ключевым словам, составили публикации изданий из двух первых групп (218 из 305). Изученные материалы относятся к разным жанрам: среди них есть и оперативно-информационные тексты, и тексты, сосредоточенные на комментариях и анализе текущих событий (авторская публицистика, редакционные колонки, интервью с экспертами). Многочисленные обращения к памяти о 90-х в текстах разных жанров, адресованных разным аудиториям, могут рассматриваться как подтверждение общего тренда на ее *актуализацию*, то есть артикуляцию и потенциальное переосмысление в новом контексте.

Для выявления способов фреймирования упоминаний о 90-х был проведен качественный контент-анализ с применением приложения MAXQDA. Кодирование проходило в два этапа. На первом этапе индуктивным путем определялись основные способы репрезентации связей между *тогда* и *теперь*, что дало возможность выделить наиболее популярные способы фреймирования памяти о 90-х при обсуждении проблем, сопряженных с новым кризисом. Они составили итоговый список кодов (см. *табл. 1 Приложения*), который на втором этапе был использован для повторного кодирования всего массива текстов. Анализ употребления выделенных фреймов позволяет понять, *каким образом память о 90-х имеет значение* для адаптации к новому кризису, а также обнаружить некоторые изменения в способах ее репрезентации в публичных дискурсах. В следующих разделах статьи обсуждаются наблюдения, касающиеся наиболее распространенных способов фреймирования и их представленности в выделенных группах изданий.

Назад, в 90-е?

Проблемы, обусловленные беспрецедентным расширением международных санкций после 24 февраля 2022 г., у многих участников публичного дискурса вызвали аналогии с экономическими трудностями, связанными с реформами правительства Егора Гайдара. Как писала газета «Труд», «похоже, гоголевская птица-тройка не несется в неведомую даль, а бежит по кругу. И сейчас она прискакала в те самые 90-е, от которых мы так долго и старательно отгребали»¹⁴. Пер-

¹⁴ Соболев и Журин
2022.

спектива «возвращения в 90-е» активно обсуждалась в медиа. Эксперты утверждали, что кризис 2022 г. «по своей сути... ближе всего к трансформационному кризису, пережитому российской экономикой в 90-е годы, когда речь шла не только о макроэкономических шоках, но прежде всего о тотальном разрыве экономических связей»¹⁵. Журналисты сопоставляли уровень инфляции и спад ВВП с показателями 90-х. А интервьюируемые ими граждане рассуждали, удастся ли превратить закрывающиеся кинотеатры в мебельные салоны, как в 90-х¹⁶, стоит ли планировать бизнес на пиратском контенте¹⁷ и возродится ли практика кражи автомобилей на запчасти¹⁸. Память о кризисе 90-х насыщала конкретными образами ожидания, отсылающие к наихудшим сценариям.

Вместе с тем в опыте прошлых кризисов искали рецепты решения нынешних проблем. Эксперты строили прогнозы, основываясь на паттернах экономического поведения, сформировавшихся в 90-х¹⁹. Полосы газет, рассчитанных на массовую аудиторию, заполняли статьи, напоминавшие, как со схожими проблемами справлялись *тогда*. МК и «Труд» систематически публиковали очерки про возвращение былых практик и интервью с представителями «забытых профессий», делившимися опытом выживания в 90-х, — бывшими челноками, уличными торговцами, перегонщиками автомобилей, контрабандистами, мастерами по ремонту, специализировавшимися на восстановлении подержанных запчастей и т.п. Особенно бурно обсуждалось возобновление челночного бизнеса, который был массовым занятием в 90-х, а позже, с развитием торговых сетей, сошел на нет. В нем усматривали аналог «параллельного импорта», который власти вынуждены были частично разрешить в качестве меры по обходу санкций. Необходимость «вынимать из кладовок клетчатые баулы необъятных размеров, этот символ 90-х» не вызывала большого энтузиазма, ведь «эпоха клетчатых сумок, казалось, закончилась навсегда»²⁰. «В Благовещенске и Екатеринбурге даже поставили памятники челнокам. Поторопились»²¹, — с грустью констатировал «Труд». Очерки и интервью, напоминавшие о прошлой жизни, воспроизводили стереотипный образ 90-х как экстремально трудного времени, в которое не хотелось возвращаться, но при этом наполняли его живыми деталями, делая менее негативным. Воспоминания о некогда пережитых и преодоленных трудностях помогали сформировать горизонт ожиданий для планирования будущего.

Фрейм воспоминания 90-х по принципу дежавю мог использоваться как в пессимистической (*неужели снова?*), так и в оптимистической (*справились тогда — справимся и сейчас*) модальности. Полученные в прошлом навыки «решения проблем», ведения бизнеса в условиях высокой инфляции, восстановления нарушенных производственных цепочек, «изобретения схем» для оптимизации банковских операций придавали уверенность в своих силах. Воспоминания о былом нередко завершались чем-то вроде: «Ничего, пережили девяностые — переживем

¹⁵ Озерова 2022, высказывание принадлежит Ростиславу Капелюшникову. Ср. Радаев (ред.) 2023: 5—7.

¹⁶ Павлючик 2022.

¹⁷ Киденис 2022.

¹⁸ В очереди 2022.

¹⁹ Озерова 2022; Гринкевич 2022; Туева 2022; Прокофьев 2022.

²⁰ Хмара 2022.

²¹ Там же.

- ²² Чуйкин 2022. и двадцатые»²². Как выразился собеседник журнала «Эксперт», «один из факторов, почему мы победим к 2030 году: мы все равно пересидим. Одна удивительная особенность у людей, которые проживают на территории Российской Федерации, — это какой-то фатализм и терпимость.
- ²³ Скоробогатый 2022. *Мы пережили девяностые*²³. В оптимистическом варианте рассуждений о «возвращении в 90-е» акцент делался не на былых трудностях и лишениях, а на том, что с ними удалось справиться. В условиях новой нестабильности смысловой конструкт «лихих 90-х», поддерживающий память о коллективной травме²⁴, превращался в элемент обнадеживающего нарратива о преодолении смутного времени.
- ²⁴ Sharafutdinova 2020: 109; Malinova 2022. Впрочем, напоминания об «ужасах 90-х» могли быть и просто эффективным риторическим приемом. Характерный пример — открытое письмо садоводов Владимиру Путину, опубликованное в марте АиФ. Выражая поддержку политике президента, его составители обращали внимание властей на значимость труда «садоводов, цветоводов и владельцев личных подсобных хозяйств» в условиях «западных санкций, направленных на подрыв экономики и сельского хозяйства страны». Символически возвышая трудности постсоветских реформ, авторы письма ставили «сады и огороды, выручавшие нас в лихолетье 90-х годов XX века», в один ряд с «блокадными огородами прямо на Исаакиевской площади». Вместе с тем, заявляя о готовности и дальше вносить свою лепту в национальную продовольственную безопасность, садоводы не стеснялись напомнить о «проблемах, не решаемых годами»²⁵. Таким образом, трудный опыт 90-х служил аргументом, обосновывающим запрос на государственную поддержку в обмен на патриотическую лояльность.
- ²⁵ Открытое письмо 2022. О «возвращении в 90-е» (как правило, с вопросительным знаком) особенно много писали издания, ориентирующиеся на массовую аудиторию. Попавшие в выборку издания коммунистов и национал-патриотов эту тему не педалировали, хотя в отдельных материалах (преимущественно в интервью с читателями) она всплывала. Издания, отнесенные ко второй и четвертой группе, обсуждали перспективу «возвращения в 90-е» главным образом в контексте экспертных прогнозов.
- ²⁶ Malinova 2023. Очевидно, что в условиях кризиса, обозначившегося после 24 февраля 2022 г., легитимирующий нарратив, противопоставлявший «лихие 90-е» «стабильности» путинского периода, оказывался не вполне релевантным. Не случайно в первые месяцы СВО в выступлениях президента РФ было непривычно мало упоминаний о 90-х²⁶. В медиа, относящихся к двум первым из выделенных выше групп, причину утраты «стабильности» единодушно связывали с «западными санкциями». И лишь либеральные/западнические оппозиционные медиа писали о непоследовательности властей, своими действиями обрушивших «стабильность», которую прежде всячески подчеркивали²⁷. Однако и в дискурсах лояльных медиа, особенно в изданиях, ориентированных на массового читателя, подспудно происходило переформатирование памяти об этом периоде. По мере того как утрата «стабильности» становилась
- ²⁷ Карасюк 2022.

осязаемым фактом, память о трудных 90-х превращалась в источник полезного опыта, помогающего адаптироваться к вновь возникающей неопределенности, и даже в основание для оптимизма.

**Сейчас
уже не 90-е...**

Конечно, за годы, прошедшие после распада Советского Союза, многое изменилось. Поэтому при сравнении *тогда* и *теперь* нередко всплывало то обстоятельство, что «вернуться в 90-е», к счастью или к сожалению, невозможно. Так, при обсуждении перспектив возрождения челночного бизнеса выяснялось, что в 90-х он был выгодным из-за слабости государственного контроля. Выражая готовность повторить, бывшие челночники задавали резонный вопрос: «а законы они „откатят“ обратно в девяностые? Потому что если нет — никому возить не интересно, с пошлинами, налогами и еще чтобы без контрафакта»²⁸. Обнаруживалось, что практики государственного регулирования, введенные в «стабильные» 2000—2010-е годы, препятствуют использованию рецептов, помогавших выживать в 90-х. Неудивительно, что в контексте обсуждения таких рецептов нередко звучали призывы к дерегулированию. Так, в статье, посвященной вызванным санкциями проблемам с оборудованием и реактивами для научных лабораторий, МК приводил слова вице-президента РАН Алексея Хохлова, наминавшего: «Мы проходили это все еще в 90-х годах... У нас тогда вообще не было финансирования, но не было и ограничений». В качестве решения проблемы академик предлагал снять «бюрократические препоны» для взаимодействия с компаниями, показавшими себя с хорошей стороны в предыдущие годы, в частности отменить запрет на 100-процентную предоплату поставок²⁹. О том, что сейчас не может быть как в 90-х, поскольку тогда «государство было очень слабым», «а сейчас оно скорее излишне сильное, и экономика явно страдает от избыточного контроля»³⁰, писали многие.

²⁸ Размахнин 2022.

²⁹ Веденеева 2022.

³⁰ Озерова 2022.
Ср. Киденис 2022.

Фрейм воспоминания 90-х по принципу противопоставления *тогда* и *теперь* использовался в двух модальностях: констатация различий могла вызывать как удовлетворение (*к счастью, уже не 90-е*), так и сожаление (*уввы, уже не 90-е*). Обе модальности данного фрейма можно обнаружить в изданиях всех четырех групп.

Главное позитивное отличие нынешней ситуации от той справедливо усматривали в наличии опыта жизни в условиях рынка. Благодаря ему казалось бы возрождающиеся старые практики выглядели иначе. Так, развивая популярную тему челночной торговли, АиФ уточняли, что параллельный импорт разрешен в отношении товаров, перечисленных в приказе Минпромторга, и завоз товаров, «которые производители отказываются продавать нам напрямую», скорее всего, не будет напоминать былую историю с клетчатými баулами³¹. А МК в репортаже с «оживившихся» стамбульских рынков дезавуировал мнимое дежавю, рассказывая, что «теперь тут почти все профессионалы — владельцы площадей на вещевом рынке на МКАД, закупщики от мага-

³¹ Дуэль 2022.

- ³² Голубицкая 2022. зинов... самоучкам конкурировать с такими невозможно»³². Экономисты утверждали, что ввиду наличия рыночных институтов нынешний кризис должен оказаться «гораздо менее продолжительным и гораздо менее глубоким, чем трансформационный кризис 90-х»³³. Многие надеялись, что «обрушение экономики в сопоставимый по глубине кризис происходит совсем с другой высоты по сравнению с тем, как это было в самом начале 90-х годов прошлого века»³⁴. Впрочем, использование фрейма «сейчас не 90-е» в такой модальности не предполагало распространения позитивной оценки («значит, все было не зря!») на прошлое.

Фреймирование опыта 90-х в логике коллективной травмы оказалось весьма устойчивым. Альтернативный способ фреймирования, о возможности которого Гульназ Шарафутдинова писала применительно к 2000-м годам, — рассматривать наступавшее «экономическое чудо» как закономерный результат преодоленных трудностей³⁵ — так и не сложился. В отобранном для этого исследования массиве текстов нашелся лишь один, где поднималась эта тема, — редакционная статья в НГ, обсуждавшая результаты опроса ВЦИОМ о неравенстве доходов. В статье констатировалось, что спустя 30 лет после начала рыночных реформ россияне «рост благосостояния скорее связывают с интервенциями государства, а не с тем, что механизмы, запущенные в начале 1990-х в экстренном режиме, со временем заработали». Согласно НГ, такое положение вещей объясняется тем, что «доминирующий политический дискурс последних десятилетий и не способствовал второму типу интерпретации: 90-е демонизировались, особенно в том, что касалось социально-экономической сферы»³⁶. Исследования памяти о 90-х подтверждают адекватность этого объяснения.

³⁵ Sharafutdinova 2020: 8, 109.

³⁶ О возвращении социологов 2022.

В тех случаях, когда сравнение *тогда* и *теперь* было в пользу 90-х, различия выделялись по-разному. Эксперты указывали на то, что «кризис 90-х годов шел все-таки в направлении модернизации экономики, устранения структурных дисбалансов и повышения эффективности. А нынешний кризис наверняка будет сопровождаться примитивизацией и архаизацией экономики»³⁷. Обозреватель АиФ Вячеслав Костиков, интерпретируя данные социологических опросов ФОМ, подчеркивал, что «в лихие 90-е агрессии и страхов, несмотря на все материальные трудности, было меньше. Причина в том, что те годы были отмечены и огромным всплеском надежд, позитивных ожиданий»³⁸. В интервью деятелей культуры 90-е нередко характеризовались как время свободы и творческих возможностей. Тему свободы поддерживали и журналисты. В апреле, на фоне волны обусловленных СВО ограничений СМИ, МК опубликовал статью Саида Бицоева в защиту свободы прессы. Доказывая, что «пресса является помощником власти», Бицоев апеллировал к 90-м, «когда газеты выходили миллионными тиражами и назывались уважительно четвертой властью»³⁹. Он вспоминал, как однажды в редакцию «Известий» трижды за день приезжал Борис Березовский, пытаясь отговорить главного редактора Игоря Голембиовского от публикации

³⁷ Озерова 2022.

³⁸ Костиков 2022.

³⁹ Бицоев 2022.

критического в отношении него материала. Но Голембиовский отказался встречаться с могущественным олигархом, и на следующий день статья вышла в свет, вызвав сенсацию. По-видимому, пример для демонстрации эффекта «четвертой власти» был выбран не случайно: борьба с олигархами была в свое время (в 2000-е годы) частью путинского политического курса.

Таким образом, фрейм «сейчас не 90-е» в одних случаях служил основанием для оптимизма в отношении перспектив нынешнего кризиса (если хотели подчеркнуть преимущества «сейчас»), а в других — отражал ностальгию по былым временам. Любопытно, что ностальгическую версию данного фрейма можно обнаружить даже в изданиях, имеющих выраженный антилиберальный/антизападнический профиль. Довольно показательна в этом плане рецензия Алексея Шорохова на российские фильмы о Донбассе в газете «Завтра». Сетую на отсутствие у этих фильмов широкой аудитории, Шорохов проводил параллель с малобюджетной картиной Алексея Балабанова «Брат», которая «становится классикой и воистину народным фильмом еще при жизни создателя». Если с нынешними фильмами получилось иначе, полагал он, то именно потому, что, «в отличие от 90-х, которые постсоветским обществом в целом воспринимались как одна большая и непрекращающаяся беда, сегодня мы живем во времена окончательного расщепляющего всесмешения». Вина за сложившуюся ситуацию возлагалась им на «госпропаганду», которая лукавила, утверждая, что «их там нет»: с его точки зрения, это делало события на Донбассе «войной категории Б» (по аналогии с голливудским обозначением фильмов, не предназначенных для массового зрителя)⁴⁰. Это наблюдение не только косвенно подтверждает, что конструирование представления о 90-х как об общей «беде» оказалось успешным благодаря эффектам массовой коммуникации, но и выявляет интегрирующую функцию памяти о разделяемом травматическом опыте, о которой ностальгирует автор рецензии.

⁴⁰ Шорохов 2022.

Конец «длинных 90-х»

Если фреймы, проанализированные выше, предполагали сравнение *теперь* и *тогда* с оценкой обнаруженных сходств и/или различий, то рассматриваемый в данном разделе фрейм заключается в констатации завершения чего-то, связанного с 90-ми, и интерпретации 24 февраля 2022 г. как начала принципиально нового этапа.

Типичный вариант такого фреймирования — публикации, приветствовавшие СВО, которых было особенно много в конце февраля — начале марта. В отсутствие ясности в официальных декларациях о целях начатой военной кампании авторы таких публикаций осмысливали ее в логике привычных нарративов о постсоветском транзите: СВО интерпретировалась как знак того, что «времена национального унижения и позора в девяностых» остались в прошлом, поскольку «Россия, которая десятилетиями отступала и в прямом, и в переносном смысле, снова пе-

⁴¹ *Что может дать Россия 2022.*

реходит в наступление»⁴¹. «Наступление» виделось в бескомпромиссном разрыве с Западом, причем военно-политическая составляющая этого процесса, действительно инициированная Россией, смешивалась с экономической, обусловленной ответными санкциями.

⁴² *См. Малинова 2020.*

Нарратив об отказе от капитуляции перед Западом, якобы имевшей место в 90-х, и прежде был неотъемлемой частью дискурсов коммунистов и национал-патриотов, и рубеж, символизирующий начало «наступления», назначался не раз⁴². Но после 24 февраля 2022 г. рассуждения о «конце капитуляции» получили широкое распространение и в изданиях, ориентирующихся на массовую аудиторию. В закрытии ресторанов «Макдональдс», отъезде за границу Анатолия Чубайса и даже в череде смертей политических деятелей 90-х усматривали свидетельства завершения «длинных 90-х, начавшихся в 1987 г.»⁴³. Как писал МК, комментируя закрытие «Макдональдсов», «наш 35-летний поход по экономической пустыне заканчивается. Некогда... коллективный Гайдар, получив одобрение Ельцина, повел советско-российский народ, ориентируясь на указующий перст невидимой руки рынка, на которой были вытатуированы три буквы — МВФ. Нельзя сказать, что ведомых заранее не предупредили, что не все дойдут до обещанного светлого будущего. Было честно сказано, что по дороге многие „не впишутся в рынок“. Но все решили, что это касается не их, и услышали только то, что хотели услышать: лучше станет уже к осени или весне... Вот мы и приплыли... Пока неизвестно, будет ли лучше нам в новом историческом периоде... Но точно будет иначе»⁴⁴. Примечательно, что в этом нарративе в эпоху экономической зависимости от Запада включался и путинский период. Еще более явственно это следует из другой публикации в той же газете: «Власть... сначала, лет двадцать назад, обменяла у населения гражданские свободы на хоть какую-то стабильность (и сограждан, переживших 90-е, можно понять). Затем, чтобы быстро обеспечить подъем уровня жизни, обменяла технологический суверенитет страны на западные достижения: станки, самолеты, машины, одежду, еду»⁴⁵.

⁴³ *Кротов 2022.*

⁴⁴ *Там же.*

⁴⁵ *Попов 2022.*

В логике нарратива о «конце капитуляции перед Западом» уход с российского рынка зарубежных компаний и вынужденное импортозамещение представлялись несомненным благом.

⁴⁶ *Воронин 2022.*

Издания с выраженной антизападнической и антилиберальной направленностью обсуждали «конец длинных 90-х» с особым восторгом. Международные санкции, ожидаемые последствия которых в других дискурсах питали рассуждения о «возвращении в 90-е», в этом идеологическом сегменте приветствовались как возможность встать наконец на правильный путь. «Эта изоляция, если ее использовать разумно, может реально помочь России отойти от той ущербной монетаристской либеральной модели „роста“, которую ей навязали в 90-е годы»⁴⁶, — утверждалось в «Советской России». В свою очередь передовая газеты «Завтра» спешила выдать желаемое за действительное: «Наши экономисты готовы к созданию новой русской экономики, восстанавливают разгромленные Гайдаром отрасли индустрии»⁴⁷.

⁴⁷ *Проханов 2022.*

В изданиях, отнесенных в настоящем исследовании к другим группам, перспективы, связанные с уходом западных компаний и импортозамещением, оценивались более сдержанно. Память о 90-х, в данном случае — о кризисе 1998 г., актуализировалась в них скорее в логике сравнительных фреймов, обсуждавшихся выше. С одной стороны, комментаторы отмечали, что уход иностранных компаний открывает ниши для российского бизнеса и остается надеяться, что последний воспользуется этой возможностью лучше, чем в конце 1990-х — начале 2000-х годов⁴⁸. С другой — признавали, что «в России просто нет компаний уровня ИКЕА, McDonald's, Volkswagen, Microsoft и т.д. За этими названиями — огромный опыт, специалисты мирового уровня и уникальные разработки, которых у наших компаний пока нет»⁴⁹.

⁴⁸ Поповичев 2022.

⁴⁹ Мазенко 2022.

Фреймирование в логике «конца длинных 90-х» использовалось не только при обсуждении экономики и геополитики. Об «отказе от навязанных стандартов» говорили применительно к сфере образования, деятельности правоохранительных органов, журналистским практикам и др. Не случайно редакция НГ увидела в «ревизии недавнего прошлого» «тренд, который постепенно становится доминирующим»⁵⁰. Как подчеркивалось в редакционной статье, опубликованной в июне 2022 г., «нет ничего утвержденного в постсоветское время, особенно в 90-е годы, что нельзя было бы пересмотреть. Если раньше — и на уровне политического популизма — это касалось пересмотра итогов приватизации, то сейчас это может коснуться и базовых гарантий прав и свобод, и социально-политического устройства, и деидеологизации общества, и отмены смертной казни, и принципов внешней политики. Ничто из этого в нынешнее сложное время уже не воспринимается как неприкасаемая ценность, как завоевание страны и ее граждан»⁵¹. Действительно, публикации, рассуждавшие о 90-х в логике перевернутой страницы, встречались во всех выделенных группах изданий. Правда, их тональность зависела от идеологической направленности медиа: если газета «Завтра» приветствовала «конец 90-х», усматривая в событиях, последовавших за началом СВО, окончательную победу антизападничества, то издания из противоположного сегмента с грустью констатировали крах надежд, связанных с демократическим транзитом.

⁵⁰ О репутационных последствиях 2022.

⁵¹ Там же.

Наследие 90-х как проблема

Будучи отправной точкой многих процессов, запущенных распадом СССР и рыночными реформами, 90-е часто всплывают в российском публичном дискурсе в контексте неудовлетворительного состояния тех или иных общественных сфер. Фрейм, рассматриваемый в этом разделе, нельзя назвать специфичным для обсуждения нового кризиса. Однако в ситуации разрыва экономических отношений с западными странами к нему стали прибегать особенно часто.

Расширяющиеся санкции наглядно продемонстрировали отличие российской экономики, встроеной в глобальный рынок, от советской, где было «все свое — от винтика до гусеничного трактора ДТ-75»⁵². Экс-

⁵² Чуприн 2022.

портные ограничения в отношении российских авиакомпаний заставили вспомнить Гайдара, который, по словам главного конструктора ТУ-204 Олега Алашеева, «тогда сказал, что своя авиация — это дело дорогое и ненужное. Деньги и ресурсы пригодятся для другого, а самолеты мы у „Боинга“ купим»⁵³. Обсуждая трудности вынужденного импортозамещения, припоминали, как в 90-х по тому же принципу разрушили отечественное станкостроение, уничтожили собственный торговый флот, отдали на откуп зарубежным компаниям табачную отрасль, развалили семеноводство и т.п. И даже низкое качество российского телевидения объясняли тем, что «у руля редакций и продюсерских центров стоят люди, пришедшие... в 90-е годы», которые «были одержимы одной задачей: сломать богадельню советского ЦТ и построить машину, приносящую бабло». В итоге, «когда интересы Отечества потребовали от публичных фигур обозначить свою гражданскую позицию, попса дала слабинку»⁵⁴. Атрибуция современных проблем наследию 90-х — прием настолько стереотипный, что его задействовали для критики даже тех явлений, которые в действительности возникли позже, — например, присоединения к Болонской системе, случившегося в 2003 г. Такой способ фреймирования памяти о 90-х использовался во всех выделенных группах изданий.

⁵³ Угланов и Алашеев 2022.

⁵⁴ Беднов 2022.

**Искоренение
«пятой колонны»
как наследия
90-х**

С точки зрения репрезентации связи между *тогда* и *теперь* тема борьбы с либеральной «пятой колонной», которая традиционно играет важную роль в дискурсах коммунистов и национал-патриотов⁵⁵, может быть выделена в самостоятельный способ фреймирования 90-х. В логике фреймов, проанализированных в предыдущих разделах, рассуждения о пагубном наследии 90-х ограничиваются атрибуцией вины за нынешние проблемы политикам, принимавшим неверные решения *тогда*. В случае же высказываний о «пятой колонне» ответственность возлагается на современников, объявляемых продолжателями «дела 90-х». Тем самым 90-е как бы продолжаются, поскольку длится начавшийся тогда конфликт. Единственным способом его завершения и изменения ситуации к лучшему провозглашается искоренение «пятой колонны».

⁵⁵ Малинова 2020.

После 24 февраля идея реванша в отношении «прозападных элементов», занимающих ведущие позиции в самых разных сферах общественной жизни, распространилась далеко за рамки того идеологического сегмента, в котором тема «пятой колонны» традиционно была популярной. О том, что «война выявляет роль элит и приведет к неминуемому их очищению» и санации «предателей, засевших в банках, корпорациях, государственных учреждениях, в шоу-бизнесе, в театрах»⁵⁶, писала не только газета «Завтра». МК предлагал «вымести из университетских коридоров и аудиторий» «всю эту заразу, вечно призывающую извиняться, насаждающую комплекс вины и неполноценности»⁵⁷. ЛГ уверяла, что «глубоко внедренные агенты влияния — либералы»,

⁵⁶ Проханов 2022.

⁵⁷ Попов 2022.

⁵⁸ Орлов 2022. контролирующие культуру, образование и экономику, мешают нам «отстаивать свои нравственные и культурные ценности»⁵⁸. Материалы, призывавшие к чистке не только политической, но и экономической, образовательной, культурной элиты от «прозападных» элементов, можно обнаружить во всех изданиях — естественно, кроме либеральных/западнических.

Помимо людей в министерских креслах или на университетских кафедрах, объектами подобных инвектив становились и немногочисленные институции, поддерживающие позитивную память о 90-х. Так, комментируя закрытие «Мемориала», Андрей Фурсов призывал сделать то же самое с «Горбачев-фондом» и «Ельцин-центром»: «Вот когда эти фонд и центр будут закрыты, когда перестанут проводить форум имени человека, угробившего в 1990-е нашу экономику, а институт его имени — Гайдара — закроют, вот тогда для меня это будет знак реального поворота к возрождению исторической России»⁵⁹. В том же духе ЛГ предлагала создать в «Ельцин-центре» Музей предательства России и «разместить там документы, рассказывающие о том, как „прогрессивные“ деятели предавали и продавали нашу страну на протяжении нескольких веков»⁶⁰.

⁵⁹ Титов 2022.

⁶⁰ Орлов 2022.

⁶¹ Kubik and Bernhard 2014: 12.

Таким образом, фрейм «искоренения пятой колонны» относится не только к политике, но и к памяти. Приверженцы этой идеи выступают как мнемонические воители, стремящиеся любой ценой «заставить других принять отстаиваемое ими „истинное“ видение прошлого»⁶¹. Для антизападнического/антилиберального идеологического сегмента подобная позиция была характерна и прежде, однако в условиях беспрецедентного ухудшения отношений с «коллективным Западом» шансы на воплощение в жизнь связанных с нею планов очевидно возросли.

Заключение

Анализ материалов печатных и электронных медиа показал, что в контексте обсуждения развертывавшегося в первые месяцы после 24 февраля 2022 г. кризиса действительно наблюдалась актуализация памяти о 90-х: травматический опыт начального периода постсоветских реформ много вспоминали. Он *имел значение* при рассмотрении широкого круга проблем — от экономических стратегий на макро- и микроуровнях до геополитики. При этом репрезентация памяти о 90-х в основном опиралась на сложившиеся ранее стереотипы. В зависимости от того, какие стереотипы были задействованы, сравнение *теперь* и *тогда* вело к неодинаковым выводам.

В медиа, отнесенных к разным группам, трансформация прежних дискурсов о 90-х заметна в разной степени и коррелирует с представленностью в них выделенных фреймов (см. *табл. 2 Приложения*). Вновь переживаемый кризис делал очевидно нерелевантным нарратив об эре стабильности, положившей конец «лихим 90-м», который ранее активно использовался властью. Хотя эксплицитно тема краха легитимирующего нарратива обсуждалась только в либеральных/западни-

ческих изданиях, в медиа, ориентированных на массовую аудиторию, тоже происходили определенные смысловые сдвиги. Это выразилось, в частности, в обильном использовании фреймов, предполагающих сравнение *тогда* и *сейчас* с оценкой обнаруженных сходств и различий. Если пессимистическая версия фрейма «назад, в 90-е?», как правило, воспроизводила негативные стереотипы, насыщая конкретными образами ожидания, связанные с наихудшими сценариями развития кризиса, то оптимистическая включала память о 90-х в нарратив о преодолении Смутного времени, превращая ее в источник надежд. Медиа для массовой аудитории в первые месяцы после начала СВО много писали про опыт выживания в 90-х. И хотя по большей части оказывалось, что старые рецепты уже не годятся («сейчас не 90-е»), прежде всего по причине более строгого регулирования экономической деятельности государством, обращение к ним очевидно выполняло терапевтическую функцию, помогая адаптации к новой неопределенности. Вместе с тем актуализация памяти о 90-х в публичном дискурсе сопровождалась припоминанием множества деталей, что способствовало размыванию негативного образа этого периода и в некоторых случаях подпитывало ностальгию по тем его аспектам, которые оценивались положительно.

Однако не все из выделенных фреймов подразумевали изменение смысловых конструкций памяти о 90-х: рассуждения о проблемном наследии этого периода или дискурс о «пятой колонне» в основном репродуцировали уже сформировавшиеся представления и оценки. Соответственно, в медиа антилиберального/антизападнического сегмента, использовавших эти фреймы наиболее активно, артикуляция памяти о 90-х преимущественно следовала ранее сложившимся паттернам.

Анализируя типичные способы фреймирования опыта 90-х в публикациях печатных и электронных медиа, нетрудно заметить несовпадение хронологических векторов: если для одних участников публичного дискурса этот период давно закончился и предметом дискуссии является возможность «возвращения» в него (фреймы «назад, в 90-е?» и «сейчас не 90-е»), то для других он продолжается, поскольку порожденные им обстоятельства остаются существенной частью настоящего (фреймы «наследие 90-х как проблема» и «искоренение „пятой колонны“»). В то же время новые обстоятельства, обусловленные СВО и ее последствиями, могут рассматриваться как рубеж, завершающий этап развития, начатый в 90-х. Такая интерпретация особенно характерна для антизападнического/антилиберального сегмента, где она практиковалась и прежде. Однако она встречается и в других группах медиа, что, возможно, свидетельствует о формировании нового хронологического шаблона, в котором 24 февраля 2022 г. оказывается символическим рубежом эпох и путинский период до СВО включается в «длинные 90-е». Насколько можно судить по задействованным в настоящем исследовании материалам, этот шаблон служит основанием для разных наррати-

вов, зависящих от трактовки постсоветского транзита. Хотя актуализация памяти о 90-х в качестве символического ресурса для адаптации к новому кризису влечет за собой частичную трансформацию поддерживающих ее смысловых конструкций, связанные с нею идеологические расколы сохраняются и продолжают определять структуру публичного дискурса о прошлом.

Библиография

- Ассман А. (2014) *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.
- Беднов С. (2022) «Свято место пока пусто» // *Труд*, 13.05.
- Бицоев С. (2022) «Руки прочь от журналистов!» // *Московский комсомолец*, 20.04.
- «В очереди за сейфами». (2022) // *Труд*, 25.03.
- Веденева Н. (2022) «Нам бы госзадания взять и отменить» // *Московский комсомолец*, 17.03.
- Воронин Ю. (2022) «Мобэкономика против санкций как выход из жестких вызовов Запада» // *Советская Россия*, 19.03.
- Голубицкая Ж. (2022) «Русские челноки возвращаются» // *Московский комсомолец*, 24.05.
- Гребень О. и К.Агеева. (2020) «Восприятие „девяностых“» // *Левада-Центр**, 6.04. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/06/vospriyat-je-devyanostyh/> (проверено 22.04.2023).
- Гринкевич В. (2022) «Не умрет, но откатится: Эксперты рассказали, как глубоко может упасть российская экономика в этом году» // *Профиль*, № 19: 6–8.
- Дуэль А. (2022) «Караван пойдет в обход» // *Аргументы и факты*, 13.05.
- Карасюк Е. (2022) «„Чтобы Россия больше никогда в такую засаду не попала“. Хроники госкапитализма» // *Republic / Slon***, 21.03.
- Киденис А. (2022) «Назад, в будущее!» // *Труд*, 29.04.
- Костиков В. (2022) «Берегите в себе человека» // *Аргументы и факты*, 6.07.
- Кротов Н. (2022) «Обратная сторона нерусской души» // *Московский комсомолец*, 18.03.
- Мазенко В. (2022) «Чем нынешний кризис отличается от 1998 года» // *Комсомольская правда*, 17.08.
- Малинова О.Ю. (2018) «Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В.Путина и формирование мифа о „лихих девяностых“» // *Политическая наука*, № 3: 45–69.
- Малинова О.Ю. (2019) «Конструирование смысловых рамок памяти о реформах 1990-х гг. в либеральном дискурсе 2000-х гг.» // *Южно-российский журнал социальных наук*, № 3: 91–105.
- Малинова О.Ю. (2020) «Тема „лихих девяностых“ в дискурсах российских коммунистов и национал-патриотов» // *Вестник Пермского университета. Политология*, т. 14, № 2: 53–63.

- Мерзлякова В.Н. (2019) «Медиатизация коллективной памяти о 1990-х гг. в Рунете» // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология»*, № 8: 289—302.
- Николаев И. (2022) «Экономика России: есть ли свет в конце туннеля» // *Московский комсомолец*, 11.04.
- «О возвращении социологов к проекту 90-х». (2022) // *Независимая газета*, 23.06.
- «О репутационных последствиях призывов к ревизии постсоветских решений». (2022) // *Независимая газета*, 16.06.
- Озерова М. (2022) «Кризис „как в 90-е“» // *Московский комсомолец*, 4.05.
- Орлов Б. (2022) «Очистительный огонь СВО» // *Литературная газета*, 1.06.
- «Открытое письмо президенту РФ В.В.Путину». (2022) // *Аргументы и факты*, 16.03.
- Павлючик Л. (2022) «Голливуд уходит из России» // *Труд*, 4.03.
- «Песков сообщил, что установил VPN». (2022) // *РИА Новости*, 2.04. URL: <https://ria.ru/20220402/peskov-1781488588.html> (проверено 29.04.2023).
- Попов Д. (2022) «Путин не оставил выхода» // *Московский комсомолец*, 14.03.
- Поповичев А. (2022) «Брендовые идеи» // *Известия*, 25.07.
- Прокофьев Д. (2022) «Что хуже — „рост цен“ или „отсутствие товаров“?» // *Новая газета*, 16.03.
- Проханов А. (2022) «За нашу Родину!» // *Завтра*, 9.03.
- Радаев В.В., ред. (2023) *Как россияне справляются с новым кризисом: социально-экономические практики населения*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Размахнин А. (2022) «Челнокам везде у нас дорога» // *Московский комсомолец*, 20.04.
- Скоробогатый П. (2022) «15 интервью о судьбах России» // *Эксперт*, № 30—33 (1262): 6—13.
- Соболев В. и А.Журин. (2022) «Если нельзя, но очень хочется» // *Труд*, 29.04.
- Титов И. (2022) «В котлах гибридных войн» // *Завтра*, 11.05.
- Туева Е. (2022) «Что будет с российским рынком труда в условиях санкций. Интервью с В.Гимпельсоном» // *Коммерсантъ*, 12.06.
- Угланов А. и О.Алашеев. (2022) «Спасение авиапрома — бравые рапорты или реальная программа?» // *Аргументы недели*, 22—28.06.
- Утехин И.В. (2021) «Визуальные образы 1990-х в Инстаграме: коммерциализация ностальгии» // *Tempus et Memoria*, т. 2, № 3: 60—72.
- Хмара И. (2022) «Выручайте, челноки!» // *Труд*, 6.05.
- «Что может дать Россия» (2022) // *Культура*, 24.02.
- Чуйкин А. (2022) «Автопром уходит в крутой вираж» // *Профиль*, № 9: 32—34.

- Чуприн В. (2022) «Возвращение в колхозный строй» // *Московский комсомолец*, 4.04.
- Шорохов А. (2022) «Важнейшее из искусств» // *Завтра*, 2.03.
- Goffman I. (1974) *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. New York: Harper and Row.
- Halbwachs M. (1992) *On Collective Memory*. Chicago: University of Chicago Press.
- Irwin-Zarecka I. (1994) *Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory*. New Brunswick: Transaction Publishers.
- Kubik J. and M. Bernhard. (2014) «A Theory of the Politics of Memory» // Bernhard M. and J. Kubik, eds. *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford University Press: 7–30.
- Makhortykh M. (2021) «#givemebackmy90s: Memories of the First Post-Soviet Decade in Russia on Instagram and TikTok» // *Cultures on History Forum*, 28.06. URL: <https://www.cultures-of-history.uni-jena.de/exhibitions/givemebackmy90s-memories-of-the-first-post-soviet-decade> (assessed on 3.05.2023).
- Malinova O. (2021) «Framing the Collective Memory of the 1990s as a Legitimation Tool for Putin's Regime» // *Problems of Post-Communism*, vol. 68, no. 5: 429–441.
- Malinova O. (2022) «Constructing the Collective Trauma of „The Hard 1990s“ as a Disregarded Tool of Legitimation for Putin's Authority» // *Nationalities Papers*, vol. 50, no. 3: 619–623.
- Malinova O. (2023) *Memories about «The Hard 1990s» as a Resource for Adaptation to the New Turbulence: The Analysis of the Russian Media*. HSE Basic Research Program Working Papers. Series: Political Science. WP BRP 90/PS/2023. URL: <https://www.hse.ru/data/2023/04/26/2028052861/90PS2023.pdf> (assessed on 3.05.2023).
- Olick J.K. (2007) *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility*. London: Routledge.
- Sharafutdinova G. (2020) *The Red Mirror: Putin's Leadership and Russia's Insecure Identity*. Oxford: Oxford University Press.
- Sharafutdinova G. (2022) «Public Opinion Formation and Group Identity: The Politics of National Identity Salience in Post-Crimea Russia» // *Problems of Post-Communism*, vol. 69, no. 3: 219–231.

* Внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

** Внесено в реестр СМИ — иностранных агентов; с 6 марта 2022 г. по решению Роскомнадзора сайт издания заблокирован.

Таблица 1 Типичные способы фреймирования опыта 90-х

Фрейм	Связь между «тогда» и «теперь»	Вариации
Назад, в 90-е?	90-е закончились, но есть опасение, что <i>теперь</i> будет как <i>тогда</i>	Пессимистическая (<i>неужели снова?</i>) и оптимистическая (<i>справились тогда — справимся теперь</i>)
Сейчас не 90-е	90-е закончились; <i>теперь</i> — не как <i>тогда</i>	Оптимистическая (<i>теперь стало лучше</i>) и ностальгическая (<i>тогда было лучше</i>)
Конец «длинных 90-х»	Конец 90-х наступает лишь <i>теперь</i>	В зависимости от идеологической установки
Наследие 90-х как проблема	90-е являются частью настоящего, даже если хронологически они в прошлом	По контексту обсуждаемой темы
Искоренение «пятой колонны»	90-е не закончились, начавшийся тогда конфликт остается центральным	Нет

Таблица 2 Фреймирование опыта 90-х в российских медиа (24.02.2022 – 24.08.2022)

Группы изданий	Фреймы				
	Назад, в 90-е?	Сейчас не 90-е	Конец «длинных 90-х»	Наследие 90-х как проблема	Искоренение «пятой колонны»
Издания для массовой аудитории без однозначного идеологического профиля	++	++	+	++	++
Издания для образованной аудитории без однозначного идеологического профиля	++	++	+	++	+
Издания, имеющие выраженный антилиберальный / антизападнический профиль	+	+	++	++	++
Издания, имеющие выраженный либеральный / западнический профиль	++	++	+	+	—

(++) — случаи использования фрейма множественны (N > 10)

(+) — случаи использования фрейма единичны (N < 10)

(—) — случаи использования фрейма не выявлены

O.Yu.Malinova
**MEMORY OF THE 1990s
 AS RESOURCE OF ADAPTATION
 TO NEW CRISIS:
 ANALYSIS OF RUSSIAN
 MEDIA DISCOURSES**

Olga Yu. Malinova — Doctor of Philosophy; Professor at the School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University; Chief Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Email: omalinova@mail.ru.

Abstract. The article is devoted to the problem of memory functioning as a symbolic resource for adaptation to a crisis as a situation of high uncertainty. The author analyzes public practices of articulating memory about the early period of the post-Soviet transformation when discussing social and economic problems associated with the special military operation in Ukraine, that was declared by president Vladimir Putin on 24 February, 2022, and subsequent unprecedented extension of international sanctions. The study is based on Iwona Irwin-Zarecka's theory of frames of remembrance. By revealing typical ways of framing the experience of the 1990s in media discourse during the first six months after 24 February, 2022, the author attempts to identify how this experience was tied to the current problems and thus determine the role of memory as a resource for adaptation to the new crisis. The analysis is based on publications in printed and online media that target different audiences. In order to reveal ways of framing statements about the 1990s, the author utilized the method of qualitative content analysis using the MAXQDA application

The results of the study confirm that in a situation of uncertainty caused by the forced restructuring of economic relations, social expectations and political goal-setting, the memory of a collective traumatic experience acts as an adaptation resource, which is associated with a partial transformation of its semantic framework. At the same time, the ideological splits tied to the memory of the 1990s persist and continue to determine the structure of the public discourse about the past.

Keywords: frames of remembering, framing, the 1990s, adaptation to crisis, public discourse

References

- Assman A. (2014) *Dlinnaja ten' proshlogo: Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika* [Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Bednov S. (2022) "Svjato mesto poka pusto" [A Sacred Place Is Still Vacant] // *Trud*, 13.05. (In Russ.)
- Bitsoev S. (2022) "Ruki proch of zhurnalistov" [Hands off Journalists] // *Moskovsky Komsomolets*, 20.04. (In Russ.)
- "Chto mozhet dat' Rossija" [What Russia Can Provide]. (2022) // *Kut'tura* [Culture], 24.02. (In Russ.)
- Chuihin A. (2022) "Avtoprom ukhodit v krutoj virazh" [The Auto Industry Is Going into a Steep Turn] // *Profil'* [Profile], no. 9: 32–34. (In Russ.)
- Chuprin V. (2022) "Vozvrashchenie v kolkhoznyj stroj" [Return to the Collective Farm System] // *Moskovsky Komsomolets*, 4.04. (In Russ.)
- Duel A. (2022) "Karavan pojdet v obkhod" [The Caravan Will Go Around] // *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts], 13.05. (In Russ.)
- Goffman I. (1974) *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. New York: Harper and Row.
- Golubitskaya Zh. (2022) "Russkie chelnoki vozvrashchajutsja" [Russian Shuttle Traders Are Returning] // *Moskovsky Komsomolets*, 24.05. (In Russ.)
- Greben' O. and K.Agepeeva. (2020) "Vosprijatie devjanostykh" [Perceptions of the 1990s] // *Levada-Tsentr* [Levada-Center], 6.04. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/06/vospriyatie-devyanostykh/> (accessed on 22.04.2023). (In Russ.)
- Grinkevich V. (2022) "Ne umret, no otkatitsja: Eksperty rasskazali, kak gluboko mozhet upast' rossijskaja ekonomika v etom godu" [It Won't Die but Roll Back: Experts Have Told How Deeply the Russian Economy May Fall This Year] // *Profil'* [Profile], no 19: 6–8. (In Russ.)
- Halbwachs M. (1992) *On Collective Memory*. Chicago: University of Chicago Press.
- Irwin-Zarecka I. (1994) *Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory*. New Brunswick: Transaction Publishers.
- Karasyuk E. (2022) "„Chtoby Rossija bol'she nikogda v takuju zasadu ne popala“. Khroniki goskapitalizma" ["Let Russia Never Fall into Such an Ambush Again". Chronicles of State Capitalism] // *Republic / Slon*, 21.03. (In Russ.)
- Khmara I. (2022) "Vyručajte, chelnoki!" [Shuttle Traders, Help Us] // *Trud*, 6.05. (In Russ.)
- Kidenis A. (2022) "Nazad, v budushchee!" [Back to the Future!] // *Trud*, 29.04. (In Russ.)
- Kostikov V. (2022) "Beregite v sebe cheloveka" [Take Care of the Person in Yourself] // *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts], 6.07. (In Russ.)
- Krotov N. (2022) "Obratnaja storona nerusskoj dushi" [The Reverse Side of the Non-Russian Soul] // *Moskovsky Komsomolets*, 18.03. (In Russ.)

Kubik J. and M. Bernhard. (2014) “A Theory of the Politics of Memory” // Bernhard M. and J. Kubik, eds. *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford University Press: 7–30.

Makhortykh M. (2021) “#givemebackmy90s: Memories of the First Post-Soviet Decade in Russia on Instagram and TikTok” // *Cultures on History Forum*, 28.06. URL: <https://www.cultures-of-history.uni-jena.de/exhibitions/givemebackmy90s-memories-of-the-first-post-soviet-decade> (assessed on 3.05.2023).

Malinova O. (2018) “Obosnovanie politiki 2000-kh godov v diskurse V.V.Putina i formirovanie mifa o „likhikh devjanostykh“” [Justifying the Political Course of the 2000s and Constructing the Myth about “The Hard Nineties” in the Vladimir Putin’s Discourse] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 3: 45–69. (In Russ.)

Malinova O. (2019) “Konstruirovaniye smyslovykh ramok pamjati o reformakh 1990-kh gg. v liberal’nom diskurse 2000-kh gg.” [Framing Memory about the Reforms of the 1990s in the Liberal Discourse in the 2000s] // *Juzhno-rossijskij zhurnal sotsial’nykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], no. 3: 91–105. (In Russ.)

Malinova O. (2020) “Tema „likhikh devjanostykh“ v diskursakh rossijskikh kommunistov i natsional-patriotov” [The Issue of “The Turbulent 1990s” in Discourses of Russian Communists and National-Patriots] // *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija* [Bulletin of Perm University. Political Science], vol. 14, no. 2: 53–63. (In Russ.)

Malinova O. (2021) “Framing the Collective Memory of the 1990s as a Legitimation Tool for Putin’s Regime” // *Problems of Post-Communism*, vol. 68, no. 5: 429–441.

Malinova O. (2022) “Constructing the Collective Trauma of „The Hard 1990s“ as a Disregarded Tool of Legitimation for Putin’s Authority” // *Nationalities Papers*, vol. 50, no. 3: 619–623.

Malinova O. (2023) *Memories about “The Hard 1990s” as a Resource for Adaptation to the New Turbulence: The Analysis of the Russian Media*. HSE Basic Research Program Working Papers. Series: Political Science. WP BRP 90/PS/2023. URL: <https://www.hse.ru/data/2023/04/26/2028052861/90PS2023.pdf> (assessed on 3.05.2023).

Mazenko V. (2022) “Chem nyneshnij krizis otlichaetsja ot 1998 goda” [How Does the Current Crisis Differ from That of 1998] // *Komsomolskaya Pravda*, 17.08. (In Russ.)

Merzlyakova V.N. (2019) “Mediatizatsija kollektivnoj pamjati o 1990-kh gg. v Runete” [Mediatization of the Collective Memory of the 1990s in RuNet] // *Vestnik RGGU. Serija “Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul’turologija”* [RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series, no. 8: 289–302. (In Russ.)

Nikolaev I. (2022) “Ekonomika Rossii: est’ li svet v kontse tunnelja” [Russia’s Economy: Is There Light at the End of the Tunnel] // *Moskovsky Komsomolets*, 11.04. (In Russ.)

“O reputatsionnykh posledstviyakh prizyvov k revizii postsovetских reshenij” [On the Reputational Consequences of Calls for Revision of Post-Soviet Decisions]. (2022) // *Nezavisimaya Gazeta*, 16.06. (In Russ.)

“O vozvrashchenii sotsiologov k proektu 90-kh” [On the Return of Sociologists to the Project of the 1990s]. (2022) // *Nezavisimaya Gazeta*, 23.06. (In Russ.)

Olick J.K. (2007) *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility*. London: Routledge.

Orlov B. (2022) “Ochistitel’nyj ogon’ SVO” [Cleansing Fire of the Special Military Operation] // *Literaturnaya Gazeta*, 1.06. (In Russ.)

“Otkrytoe pis’mo prezidentu RF V.V.Putinu” [The Open Letter to the President of the Russian Federation V.V.Putin]. (2022) // *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts], 16.03. (In Russ.)

Ozerova M. (2022) “Krizis „kak v 90-e“” [Crisis “Like in the 1990s”] // *Moskovsky Komsomolets*, 4.05. (In Russ.)

Pavlyuchik L. (2022) “Gollivud ukhodit iz Rossii” [Hollywood Leaves Russia] // *Trud*, 4.03. (In Russ.)

“Peskov soobshchil, chto ustanovil VPN” [Peskov Said That He Had Installed a VPN]. (2022) // *RIA Novosti*, 2.04. URL: <https://ria.ru/20220402/peskov-1781488588.html> (accessed on 29.04.2023). (In Russ.)

Popov D. (2022) “Putin ne ostavil vykhoda” [“Putin Left No Way out”] // *Moskovsky Komsomolets*, 14.03. (In Russ.)

Popovichev A. (2022) “Brendovye idei” [Reflections on Brands] // *Izvestia*, 25.07. (In Russ.)

Prokhanov A. (2022) “Za nashu Rodinu!” [For Our Motherland!] // *Zavtra*, 9.03. (In Russ.)

Prokofiev D. (2022) “Chto khuzhe — „rost tsen“ ili „otsutstvie tovarov“?” [What Is Worse — “Rising Prices” or “Lack of Goods”?] // *Novaya Gazeta*, 16.03. (In Russ.)

Radaev V., ed. (2023) *Kak rossijane spravljajutsja s novym krizisom: sotsial’no-ekonomicheskie praktiki naselenija* [How Russians Cope with the New Crisis: Socio-Economic Practices of the Population]. Moscow: Izdatel’skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Razmakhnin A. (2022) “Chelnokam vezde u nas doroga” [We Have a Road for Shuttle Traders Everywhere] // *Moskovsky Komsomolets*, 20.04. (In Russ.)

Sharafutdinova G. (2020) *The Red Mirror: Putin’s Leadership and Russia’s Insecure Identity*. Oxford: Oxford University Press.

Sharafutdinova G. (2022) “Public Opinion Formation and Group Identity: The Politics of National Identity Salience in Post-Crimea Russia” // *Problems of Post-Communism*, vol. 69, no. 3: 219–231.

Shorokhov A. (2022) “Vazhnejshee iz iskusstv” [The Most Important of the Arts] // *Zavtra*, 2.03. (In Russ.)

Skorobagatyi P. (2022) “15 interv’ju o sud’bakh Rossii” [15 Interviews about the Fate of Russia] // *Ekspert* [Expert], no. 30–33 (1262): 6–13. (In Russ.)

- Sobolev V. and A.Zhurin. (2022) “Esli nel’zja, no otchen’ khotchetsja” [If You Can’t, but Really Want to] // *Trud*, 29.04. (In Russ.)
- Titov I. (2022) “V kotlakh gibridnykh vojn” [In the Cauldrons of Hybrid Wars] // *Zavtra*, 11.05. (In Russ.)
- Tueva E. (2022) “Chto budet s rossijskim rynkom truda v uslovijakh sanktsij. Interv’ju s V.Gimpel’sonom” [What Will Happen to the Russian Labor Market in the Conditions of Sanctions. Interview with Vladimir Gimpelson] // *Kommersant*, 12.06. (In Russ.)
- Uglanov A. and O.Alashev. (2022) “Spasenie aviaproma — brave raporty ili real’naja programma?” [Saving the Aviation Industry — Brave Reports or a Real Program?] // *Argumenty nedeli* [Arguments of the Week], 22—28.06. (In Russ.)
- Utekhin I.V. (2021) “Vizual’nye obrazy 1990-kh v Instagrame: komertsializatsija nostal’gii” [The Visual Images of the 1990s in Instagram: A Commercialization of Nostalgia] // *Tempus et Memoria*, vol. 2, no. 3: 60—72. (In Russ.)
- “V ocheredi za sejfami” [Queuing for Safes]. (2022) // *Trud*, 25.03. (In Russ.)
- Vedeneeva N. (2022) “Nam by goszadaniya vzjat’ i otmenit’” [We Would Like to Take the State Tasks and Cancel] // *Moskovsky Komsomolets*, 17.03. (In Russ.)
- Voronin Yu. (2022) “Mobekonomika protiv sanktsij kak vykhod iz zhestkikh vyzovov Zapada” [Mob-Economy against Sanctions as a Way out of the Tough Challenges of the West] // *Sovetskaja Rossija* [Soviet Russia], 19.03. (In Russ.)